

Институциональные реформы и гражданская культура¹

В. М. Полтерович

ЦЭМИ РАН и МШЭ МГУ

Аннотация

Рассматривается влияние гражданской культуры на эффективный выбор плана реформы - последовательности промежуточных институтов, «соединяющих» начальный институт с финальным, желательным для реформатора. Учет превалирующих ценностей, характеристик массового поведения и компетенций при конструировании промежуточных институтов способствует успеху реформ, а их игнорирование приводит к высоким издержкам и дисфункциям. Кроме того, промежуточные институты могут влиять на культурные сдвиги, обуславливая дальнейшее продвижение или неудачу реформ. Справедливость этих тезисов демонстрируется при анализе процессов приватизации и демократизации в разных странах. Обсуждается гипотеза о том, что одной из важных причин неудачи реформ в развивающихся странах является культурный разрыв между элитой общества и основной массой граждан.

1. Введение

В мире по классификации Всемирного банка не менее 150 развивающихся стран, и все они постоянно проводят реформы, стремясь догнать развитые экономики. Однако удается это совсем немногим. Большая часть реформ не достигает поставленных целей или достигает их с неадекватными издержками. Типичная ошибка реформаторов состоит в том, что они пытаются внедрить передовые институты, не удовлетворяющие технологическим, ресурсным, культурным, политическим или институциональным ограничениям. В результате трансплантированные институты оказываются дисфункциональными; деформируясь, они порождают институциональные ловушки, препятствующие дальнейшему развитию (см. Полтерович (2007)). Чтобы добиться успеха, надо рассматривать реформу не как одномоментный акт принятия соответствующих законов, а как последовательность преобразований, ведущую к намеченной цели. Элементы этой траектории - промежуточные институты - должны удовлетворять существующим ограничениям и в то же время ослаблять их, обеспечивая возможность последующих шагов. Формирование таких институтов – творческий процесс, здесь нет универсальных алгоритмов, хотя можно указать определенные приемы их конструирования, приводящие, как показывает опыт, к успеху во многих случаях

¹ Текст подготовлен для выступления на круглом столе «Ценности, институты и доверие» в рамках XVII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, 19-22 апреля 2016 г.

(Полтерович, 2012b). В настоящем докладе я сосредоточусь на задаче выбора промежуточных институтов, рассматривая лишь один тип ограничений - ограничения, связанные с гражданской культурой².

Типичными чертами гражданской культуры в отстающих странах являются низкий уровень рациональности и высокая манипулируемость, коллективизм и неуважительное отношение к закону, патерналистские ожидания и пассивность граждан, невысокая ценность будущего, интолерантность. Попытки масштабной трансформации устоявшихся институтов часто ведут к резкому снижению и без того невысокого уровня институционального и межличностного доверия. Можно ли в таких условиях проводить приватизацию, либерализовать экономику, развивать демократию, переходить к накопительной пенсионной системе?

В ряде недавних работ показано, что влияние гражданской культуры сказывается на протяжении многих веков (Persson, 2005; Sapienza, Zingales, 2014; Alesina, Giuliano, 2015). Отсюда, однако, не следует, что на ее нельзя воздействовать, ускоряя ее развитие. Данные показывают, что уровень обобщенного доверия, демократические ценности, отношение к институтам рынка могут при надлежащих условиях существенно меняться в течение двух-трех десятилетий, а иногда и нескольких лет. Успешные реформы поддерживают быстрые позитивные культурные изменения, а неудачи еще быстрее ведут к деградации. Вполне возможно, что инерционность негативных с современной точки зрения культурных характеристик является как раз следствием неудачных реформ. Во всяком случае, гражданская культура юго-восточных стран «экономического чуда» претерпела радикальные изменения в течение 20-30 лет, приспособившись к задачам современного развития. При этом успех стал возможен благодаря тому, что промежуточные институты, внедрившиеся в процессе реформ, в определенном смысле опирались на культурные особенности населения.

Наметим план дальнейшего изложения. В следующем разделе будут рассмотрены основные понятия с тем, чтобы в дальнейшем избежать смешения культуры и институтов. В разделе 3 обсуждается вопрос о том, как учитывать уровень доверия в процессе реформ. Рассматриваются примеры институтов, поддерживавшие уровень доверия в странах, успешно решавших задачу догоняющего развития. В разделах 4 и 5 обсуждаются гипотезы об эффективном выборе промежуточных институтов в процессах приватизации и демократизации. В качестве таких институтов на пути к демократии предлагается рассмотреть последовательность корпоративистских режимов с постепенно снижающейся

² Очевидно, эта задача связана с проблемой создания «программ культурной эволюции»; на важность этой проблемы обращают внимание авторы доклада (Аузан и др., 2011).

ролью государства. Раздел 6 посвящен обсуждению гипотезы, согласно которой одной из важных причин неудачи реформ является культурный разрыв между элитой общества и основной массой населения. В заключении суммированы итоги и отмечены некоторые направления дальнейших исследований.

2. Основные понятия

Реформа – это последовательность преобразований, институциональная траектория, «соединяющая» начальную систему институтов с финальной – желательной – в подходящем институциональном пространстве. Элементы этой траектории, кроме начального и финального, называются промежуточными институтами (Полтерович, 2001, 2007). Вообще говоря, траектория задается не только последовательностью элементов, но и правилом перехода от каждого не финального элемента к последующему как функции времени или условий. На практике, однако, правило перехода приходится описывать лишь на качественном уровне.

Задача реформатора состоит в отыскании плана реформы, обеспечивающего его реализацию с наименьшими интегральными издержками. Разработка формальных моделей конструирования реформ – проблема будущих исследований, здесь мы ограничиваемся качественным анализом на основе опыта реформирования в разных странах.

В простейшем варианте реформа не содержит промежуточных институтов, предусматривая непосредственный переход от начального института к финальному. Такой вариант мы называем шоковой терапией. Как показывает опыт, шоковая терапия редко приводит к успеху: запланированный финальный институт обычно не реализуется либо оказывается дисфункциональным. Причина в том, что при шоковом подходе реформатор способен внедрить лишь формальные правила взаимодействия агентов, неизбежно оставляя более или менее широкие возможности для их реального поведения. Это поведение зависит от ресурсных, технологических, культурных, политических и институциональных факторов - ограничений. Если они не учтены формальными правилами, агенты могут отказаться использовать «внедренный» институт, предпочитая переключиться на альтернативный, возможно, неформальный институт; вопреки ожиданиям реформатора институт, заимствованный из передовой институциональной и культурной среды, в новой обстановке нередко оказывается неэффективным или даже используется совсем «не по назначению»³. Поэтому и в целях экономии

³ Например, закон о банкротстве, впервые введенный в России в 1992 г., первоначально использовался для захвата относительно эффективных предприятий. Этот вид дисфункции называется перерождением

трансформационных издержек задача реформирования требует последовательного внедрения промежуточных институтов, которые не только учитывали бы действующие ограничения, но и обеспечивали их ослабление; тем самым создаются предпосылки для следующего шага, пока не окажется целесообразной реализация финального института.

Задача настоящей работы – проанализировать влияние культурных ограничений на эффективный выбор промежуточных институтов в процессе реформ. Для анализа необходимо избежать смешения культуры и институтов. Как отмечалась многими авторами (см., например, обсуждение в Тамбовцев (2015)), общепринятые определения этих понятий пока отсутствуют.

Алмонд и Верба (Almond, Verba (1963, p.5)) в своей классической работе полагают, что гражданская культура включает «способы принятия решений политическими элитами, их нормы и отношения, а также нормы и отношения обычного гражданина к другим агентам и институтам, к правительству и согражданам». Очевидно, при таком определении институты оказываются частью культуры.

Возможно, проблема в многозначности термина «норма»: следует различать нормы-предписания (формальные и неформальные), нормы-стереотипы поведения и нормы-ценности. Первые два понятия задают простейшую классификацию институтов, а третье относится к сфере культуры, но не исчерпывает ее.

Ниже я под термином «гражданская культура» понимаю совокупность отношений индивида к институтам и социальным группам (пример: толерантность или интолерантность), его ожиданий и установок⁴ (пример: патерналистские ожидания) и ценностей (например, ценность свободы выбора), а также его социально-психологических характеристик, определяющих «умения» - способности функционировать при наличии тех или иных институтов (например, уровень рациональности).

Ценности – это общие характеристики индивидуальных предпочтений на множестве институтов, формирующие ожидания и реальное поведение индивидов.

Строго говоря, надо бы уметь прогнозировать выбор граждан на множестве институциональных вариаций, таких как, например, увеличение свободы выбора при снижении благосостояния. Но современные методы предоставляют возможность лишь самых грубых оценок.

института (см. классификацию дисфункций, анализ издержек реформирования и многочисленные примеры в Полтерович (2007)).

⁴ В англоязычной литературе используется термин “belief”, который в теоретико-игровом контексте означает совокупность представлений игрока о партнерах.

Институты и гражданская культура взаимосвязаны (см., обзор Alezina, Giuliano (2014)). Для дальнейшего анализа этот факт имеет фундаментальное значение. Проводя институциональные преобразования, реформатор обязан принимать во внимание гражданскую культуру, но при этом должен формировать промежуточные институты, способные влиять на нее так, чтобы обеспечить возможность дальнейшего институционального развития. Разумеется, изменение культурных характеристик требует времени, этим во многом определяется рациональный темп реформ.

В некоторых недавних исследованиях (см., в частности, Roland (2004), Guiso, Sapienza, Zingales (2014)) подчеркивается, инерционность культуры. Однако эволюция стран «экономического чуда» показывает, что в условиях быстрого экономического роста важные культурные характеристики могут существенно меняться в течение одного-двух десятилетий и даже нескольких лет. Как подчеркивается в (Inglehart, Welzel, 2010), экономическая модернизация порождает сдвиг от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения». Например, быструю динамику демонстрируют данные об интересе к политике и обобщенном доверии по Западной Германии в процессе послевоенных реформ, обеспечивших быстрый экономический рост (см. Таблица 1).

Таблица 1. Интерес к политике в Германии, 1952-77, %

	1952	1959	1962	1969	1973	1977
Да	27	29	37	45	49	50
Не особенно (Not especially)	41	36	39	42	34	41
Нет	32	35	24	13	17	9

Источник: Conradt (1989), p.239.

Быстро изменяются культурные параметры и в периоды значительных спадов производства. Так, в процессе российских реформ доля респондентов, заявлявшая о значительном интересе к политике, уменьшилась за четыре года в 2,5 раза, за относительно короткое время резко упал уровень персонального доверия и ухудшилось отношение к институтам рынка (см. Полтерович, 2007, с. 292, 291, 301). В работе (Inglehart, Welzel, 2010) подчеркивается, что «Некоторые массовые культурные установки (attitudes), связанные с модернизацией, формируют характеристики данного общества, которые стабильны абсолютно в той же мере, как и стандартные социальные индикаторы» (p.551). Например, как показано в Welzel (2011), в большинстве стран индекс ценностей

эмансипации (понятие, близкое по содержанию к «ценностям самовыражения» или «демократическим ценностям») растет с уровнем образования (см. Figure 4, p.20).

Строго говоря, факт сохранения культурных различий между югом и севером Италии, установленный в Guiso, Sapienza, Zingales (2014), не означает ни неизменности культурных характеристик, ни невозможности влиять на них. Он лишь свидетельствует о том, что существовавшие институты не способствовали сближению культур⁵.

3. Доверие и реформы: двусторонняя причинная связь⁶

Низкий уровень доверия существенно затрудняет реформы, а неудачные реформы ведут к его дальнейшему снижению. Значит, для успеха реформ необходимо конструировать промежуточные институты так, чтобы повышать уровень доверия.

Вот как соотносились «индексы доверия» к представителям разных профессий в России 1993 г. (Таблица 2).

Таблица 2. Доверяете ли Вы людям следующих профессий? (Соотношение ответивших «Да» и «Нет»)

№.	Профессия	да/нет
1	Ученый	19,0
2	Священнослужитель	9,5
3	Врач	4,7
4	Военный	2,3
5	Предприниматель	1,2
6	Судья	0,5
7	Милиционер	0,2
8	Гос. служащий	0,2
9	Политик	0,07

Источник: Гудков (2000), стр.31. Опрос 1993 г.

Отношение к профессиям отражает отношение к соответствующим институтам. Как видно из таблицы, представители государства – судьи, милиционеры, чиновники и политики – пользовались наименьшим доверием.

В период интенсивных российских реформ недостаток доверия играл существенную негативную роль. Кредитные ресурсы банков использовались на инвестиции далеко не полностью, поскольку банки не доверяли предприятиям как потенциальным должникам.

⁵ В докладе Аузан и др. (2011), содержатся ссылки на источники, свидетельствующие о достаточно быстром изменении ценностей в процессе модернизации.

⁶ Имеется обширная литература по проблеме доверия (см., в частности, Дементьев (2004), Kornai, Rothstein, Rose-Ackerman (eds.) (2004), Белянин, Зинченко (2010), Horváth R.(2012)).

Не доверяя милиции, граждане отказывались сотрудничать с ней. Это затрудняло обнаружение и расследование преступлений. Деловые партнеры не доверяли друг другу и потому несли дополнительные издержки по обеспечению соглашений (Радаев (1998)). Разделение функций собственника и управляющего оказывалось слишком рискованным. Собственники не доверяли менеджерам и были вынуждены вводить специальный институт «кураторов менеджмента», который, дублируя управленческую структуру верхнего уровня, обеспечивал бы работу менеджеров в интересах собственника (Константинов, Липсиц, Филонович (2002)). Массовое неверие в справедливость и силу закона сделало девиационное поведение рутинным, что способствовало расширению теневой экономики.

Стоит отметить, что, в отличие от уровня доверия к институтам, уровень персонального доверия в дореформенный период был в России достаточно высок. В опросе ВЦИОМ 1989 г. 42 % респондентов указали, что они имеют «много близких, надежных друзей». В 1999 г. этот ответ выбрали всего 13%. При этом 74% заявили, что они могут вполне доверять лишь 2-3 близким людям (Левада (2000), с. 26). Видимо, рост недоверия на персональном уровне был не унаследован, а связан с распадом дореформенных отношений и с трудностями адаптации к новым условиям⁷.

Надо сказать, что дореформенный уровень обобщенного доверия также был довольно высоким. Но в первые годы реформ он резко упал, а затем - уже в 2000-ые годы - восстанавливался крайне медленно.

Таблица 3. Россия. Можно ли доверять большинству людей?

Годы	1990	1995	2006	2011
% «да»	34,7	23,2	24,6	27,8
% «надо проявлять осторожность»	58,0	73,8	69,1	66,2

Источник: Данные World Value Survey

Близкая по характеру динамика обобщенного доверия по данным WVS наблюдалась и в ряде других переходных экономик – в Польше, Эстонии, Венгрии. В некоторых из них, например, в Румынии и Словакии, падение продолжается до сих пор. В Чехии – стране с относительно высокой политической культурой – спад уровня доверия был незначительным, и восстановление произошло быстро. Вместе с тем, почти незаметным было уменьшение в Беларуси, где реформы не носили шокового характера, а в 2005-2009

⁷ Предшествующий анализ динамики доверия в России заимствован из Полтерович (2007).

гг. уровень доверия резко вырос. Ну, и наибольший уровень доверия- 50-60% после 1989 г. - демонстрирует Китай, начавший успешные реформы значительно раньше.

Естественно ожидать, что низкий уровень институционального и межличностного доверия ведет к отказу от поддержки реформ.

Доверие укрепляется, если правительственная политика соответствует ожиданиям и достигает успеха. Игнорирование патерналистских ожиданий, предоставление «свобод», которыми основная масса населения не умеет и не склонна пользоваться, в условиях, когда нормой-стереотипом является нарушение закона, ведет к активизации рентаизвлекающего поведения, росту преступности, спаду производства.

В странах Восточной Азии на начальных этапах реформ государство поддерживало крупные корпорации, использовавшие патерналистское управление. Система пожизненного найма, заимствованная у Японии Южной Кореей, Тайванем, а позднее и Китаем, была важным элементом такого управления, опиравшегося на персональное доверие. Аналогичную роль во взаимодействиях корпораций играли система главного банка и ассоциации бизнеса. Китайская приватизационная реформа началась с бурного роста числа муниципальных предприятий (township and village enterprises) – мелких фирм, объединявших хорошо знакомых друг с другом работников под защитой и при участии местного начальства. В Чехии и Словакии в начале 1990-ых годов был введен неэффективный для развитых экономик ипотечный институт – строительно-сберегательные кассы, способствовавший преодолению недоверия между заимодавцами и заемщиками и повышению культуры сберегательного поведения (Полтерович, Старков, 2007). Важную роль в укреплении доверия сыграло индикативное планирование, в той или иной форме использовавшееся почти всеми странами «экономического чуда», включая и послевоенную Францию, и Ирландию 1995-2007 гг., и современный Китай. Вот, что писал об индикативном планировании его создатель Пьер Массе: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана» (Masse, 1965).

В отличие от муниципальных предприятий, систем пожизненного найма и главного банка, индикативное планирование нацелено на существенно более широкий радиус доверия. Все упомянутые промежуточные институты демонтировались или существенно модифицировались по мере развития.

В настоящее время многие страны используют стратегическое планирование и программное бюджетирование, кое-где сохранилось также индикативное планирование (например, в Ирландии, в Китае, в Саудовской Аравии). Ведомства, ответственные за этот процесс, обычно стремятся вовлечь в него неправительственные организации, инициируют публичные обсуждения с тем, чтобы поднять уровень доверия к намечаемым преобразованиям, а значит, и к соответствующим институтам власти.

Эволюция системы принятия решений в Совете министров (Council) ЕС обеспечила постепенный рост доверия за счет использования правила единогласия.

Как показано в Horváth (2012), увеличение уровня доверия ускоряет экономический рост.

4. Приватизация и гражданская культура

Реформы структуры собственности – приватизация и национализация – играют важную роль в экономическом развитии. Однако убедительной теории, демонстрирующей в каких ситуациях и как именно надо реформировать структуру собственности, до сих пор не существует. В истории многих стран наблюдаются циклы национализации и приватизации (НП-циклы). Так, в Мексике за периодом приватизации 1867-1910 гг. последовали национализация 1910-1940 гг., приватизация 1940-1958 гг. и новая национализация в 1958-1983 гг., сменившаяся в 1983 г. очередным приватизационным бумом. В Чили, Перу, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Малайзии – всюду наблюдались аналогичные НП-циклы (Chua, 1995; Chang, Hevia, Loayza, 2009)). Разумеется, они приводят к громадным издержкам. Если в 1980- 1990 –х годах доминировала точка зрения о целесообразности быстрой приватизации в странах догоняющего развития, то сейчас можно считать общепризнанным, что эффект приватизации, вообще говоря, не однозначен и зависит от многих факторов (см. обсуждение и ссылки в Полтерович, 2012а, 2013). Кроме того, исторические данные свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что в странах догоняющего развития роль государственного сектора должна быть выше, чем в развитых странах (Chang, 2007).

Ряд результатов прямо или косвенно указывают на то, что культура может существенно влиять на успех приватизационных реформ. В статье (Катышев, Полтерович, 2006) показано, что в переходных экономиках потери ВВП за 9 лет после начала широкомасштабных реформ были тем больше, чем радикальнее осуществлялась приватизация в течение первых трех лет перехода к рынку. Этот факт естественно объяснить отсутствием в переходных экономиках подходящих институтов (прежде всего, рыночной инфраструктуры), но также и отсутствием менеджеров, умеющих оперировать в

рыночных условиях. Примечателен вывод, полученный в работе (Estrin et al, 2009), где обобщены результаты 35 исследований, посвященных сравнению эффективности приватизированных и государственных предприятий в переходных экономиках. Авторы пишут: «Приватизация сама по себе не гарантирует улучшения функционирования, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе»; «Эффект приватизации предприятий отечественными собственниками ... был положительным в странах Восточной Европы; он был нулевым или даже отрицательным в России и остальных странах СНГ» (р. 25). Различие между менее развитыми и более развитыми переходными экономиками, скорей всего коренятся в уровнях культуры. Здесь, видимо, сыграли роль негативное отношение к частной собственности как таковой, патерналистские ожидания, порождавшие низкую активность населения, коллективизм, низкий уровень институционального доверия, неуважение к закону, обусловившее всплеск коррупции и поиск ренты в процессе приватизации⁸ (см. описание процесса приватизации в России и обсуждение культурных факторов в Полтерович, 2007). Выше в этой связи уже упоминался избыточный в нормальных условиях институт «кураторов менеджмента», который использовался российскими собственниками для контроля за управляющими; тем самым частные предприятия воспроизводили недостатки государственных.

Проведенный в недавней работе Crivelli (2013) анализ данных по 29 странам с переходной экономикой показал, что приватизация оказала негативное влияние на поступления в бюджет.

Влияние приватизации на рост в разных странах по-прежнему остается предметом дискуссии. Более бесспорным и, пожалуй, не менее важным является факт неудовлетворенности граждан и Латинской Америки, и Восточной Европы, и Средней Азии результатами приватизации. Отмечая этот факт, авторы статьи Eller et al (2012), пишут о «простом выводе» из многих исследований «Все ненавидят приватизацию». Рассматривая выборку из 28 000 граждан 28-и стран с переходной экономикой, авторы обнаруживают, что 80% респондентов считают необходимым пересмотреть результаты приватизации. Из них 36% предпочитают частную собственность государственной в принципе, а остальные, будучи сторонниками частного предпринимательства, полагают, что приватизация была несправедливой. Ясно, что неудача должна была отрицательно сказаться и на уровне доверия, и на эффективности дальнейших преобразований.

Из приводимых в Eller et al. (2012, Table 1) данных, следует, что наибольшую поддержку – от 46,7% до 31,4% получили приватизационные реформы в Беларуси, Эстонии,

⁸ «Если правительство коррумпировано, нет оснований полагать, что приватизация решит проблему.»
«...сегодня во многих странах приватизацию в шутку называют «briberization» (Stiglitz, 2002, p. 58).

Монголии и Словении. Стоит отметить, что избранные в этих странах подходы в гораздо большей степени соответствовали гражданской культуре, нежели в других странах. Во всех четырех странах реформы не носили шокового характера. В Эстонии формирование частных предприятий началось еще в 1987 г; позднее появились кооперативы и арендные предприятия; на первом этапе приватизации крупных предприятий был проведен эксперимент (Purju, 1996). В Словении речь шла о преобразовании доминировавших в то время предприятий, управляемых работниками. На первом этапе приватизации многие фирмы оказались в государственной собственности, а значительная часть акций осталась в собственности работников. В Беларуси приватизация шла крайне медленно и не давала эффекта (Bakanova et al., 2006), а в Монголии привела к распылению собственности и к сохранению топ менеджеров компаний (Jermakowicz, Kozarzewski, 1997).

Стоит отметить, что и в России на этапе чековой приватизации большая часть акций приватизированных предприятий перешла в собственность работников. Но произошло это в результате изнурительной борьбы. Одним из факторов, побуждавших работников к борьбе, был страх увольнения после прихода внешнего собственника. Производственный коллективизм ярко проявился в поведении менеджеров, не желавших увольнять работников, несмотря на спад, и считавших своей главной целью сохранение коллектива, а не максимизацию прибыли.

Китайская приватизационная реформа началась с бурного роста числа муниципальных предприятий (township and village enterprises) – мелких фирм, объединявших хорошо знакомых друг с другом работников под защитой и при участии местного начальства.

Приведенные факты, на наш взгляд, указывают, на целесообразность разных подходов к приватизации в зависимости от уровня гражданской культуры. В странах, где уровни индивидуализма и правопорядка сравнительно высоки, можно сразу же использовать форму открытого акционерного общества, выбирая метод приватизации на основе опыта других стран и экспериментов. В странах, где высоки уровни патернализма и коллективизма, целесообразно использовать промежуточные институты, опирающиеся на эти особенности, предусматривая постепенную трансформацию этих институтов. Какую именно конструкцию использовать, зависит от конкретных обстоятельств, истории страны, и т. п.⁹

Простейший вариант переходного института возникает при постепенном снижении доли государства в капитале приватизируемых предприятий. Этот вариант исследовался в

⁹ К упоминавшимся выше примерам стоит добавить израильские кибуцы и мошавы, послужившие движущей силой развития экономики Израиля на начальных этапах ее становления.

работе Boubakri et al. (2015). Авторы показывают, что доля капитала приватизируемых предприятий, которую государство оставляет в своей собственности, положительно зависит от уровня коллективизма, измеряемого индексом Хофстеде. Этот вывод согласуется с нашей гипотезой. Однако, авторы, кроме того, утверждают, что с увеличением остаточной доли государства эффективность предприятия падает. На первый взгляд, это противоречит нашим рекомендациям: получается, что учет уровня коллективизма в процессе приватизации ведет к негативным последствиям.

Отметим, однако, что в большинстве приводимых авторами регрессий коэффициенты детерминации крайне низки, что может указывать на наличие опущенных переменных. Среди таких переменных могут оказаться некоммерческие цели, характерные для предприятий, находящихся в собственности государства, например, недопущение роста безработицы. Но самое главное – эффективность предприятия, скорее всего, зависит от того, как именно оно было приватизировано. Полученный авторами результат можно интерпретировать в пользу градуалистской стратегии - как доказательство того, что при постепенном уменьшении доли государства эффективность предприятия растет. В любом случае, этот вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

5. Культурные предпосылки успешной демократизации

В течение многих лет идет полемика между представителями общественных наук – экономистами, политологами, социологами – по вопросу о том, способствует ли демократизация экономическому росту. В контексте данной работы этот вопрос имеет принципиальное значение. Если внедрение демократических институтов ускоряет рост независимо от уровня благосостояния, особенностей гражданской культуры и сложившихся институтов, то нет необходимости в промежуточных конструкциях, шоковая терапия оказывается лучшей из возможных экономических стратегий. Если же, кроме того, согласиться с тем, что успех реформы способствует стабильности внедренных институтов, то придется признать «шок» оптимальным и с социо - культурной точки зрения.

Первые работы по этой теме изучали связь между демократией и ростом и, строго говоря, не рассматривали демократизацию (т. е. «прирост» демократии). В работе Gerring et al. (2005), содержащей многочисленные ссылки на предшественников, отмечается, что среди исследователей доминирует точка зрения, согласно которой демократия либо

отрицательно влияет на рост душевого ВВП, либо не влияет на него вовсе¹⁰. Среди тех, кто придерживался этой позиции, такие известные экономисты, М. Олсон и Р. Барро. Авторы статьи Gerring et al. (2005) замечают, что эта точка зрения основана на рассмотрении лишь краткосрочных последствий формирования демократических институтов. Они полагают, что надо рассматривать кумулятивные эффекты за достаточно длительный период, и утверждают, что по сравнению с автократией демократия способствует более быстрому накоплению четырех видов капитала – физического, человеческого, социального и политического, а значит, ускоряет рост в долгосрочном периоде. Быстрое накопление происходит за счет обучения граждан отбору политических решений и совершенствованию институтов. Признавая, что введение демократии часто «порождает дорогостоящую и дестабилизирующую борьбу за власть» и что «литература по демократизации изобилует примерами трудностей, с которыми сталкиваются недавно возникшие демократии, особенно, когда речь идет о бедных странах», авторы пишут, что после преодоления этих трудностей, качество институтов в стране оказывается выше, чем в стабильных автократиях. При этом особое значение они придают укреплению законности.

Чтобы проверить свою гипотезу о положительной связи демократии и роста, авторы исчисляют показатель запаса демократии как сумму дисконтированных значений слегка модифицированного индекса демократии Polity 2 за период от 1900 г. по текущий год при норме дисконтирования, равной 1%. Панельная регрессия за период 1950-2000 гг. показывает, что темп роста душевого ВВП не зависит от текущего значения индекса, но положительно связана с запасом демократии. В статье отмечается, что при увеличении нормы дисконтирования эта связь ослабевает.

Статья Gerring et al. (2005) послужила отправной точкой для ряда других исследований. В работе Acemoglu et al. (2014) также рассматривается кумулятивный эффект демократизации за длительный временной промежуток с 1960 по 2010 г. Отличительными чертами приведенных расчетов являются учет возможности возврата к авторитаризму и применение динамической модели. Авторы утверждают, что демократизация в среднем приводит к увеличению душевого ВВП на 0,8% ежегодно по сравнению с ситуацией продолжения недемократического режима, что дает прирост около 22% в долгосрочном периоде (через 25-30 лет), а возврат снижает душевой ВВП на 0,7% ежегодно опять-таки по сравнению с ситуацией, когда возврата не происходит; в

¹⁰ На первый взгляд, этот вывод кажется странным: ведь подавляющее большинство демократических стран являются развитыми. Однако, в большинстве случаев они стали относительно богатыми еще при недемократических режимах.

долгосрочном периоде снижение составляет 19%. Эффекты демократизации и возврата оценивались отдельно. На самом деле, особый интерес представляет кумулятивный эффект демократизации при наличии возврата. Такие оценки в статье не представлены, видимо, из-за недостатка данных. Однако на Figure 4 изображена типичная картина при наличии возврата: спад в период демократизации и продолжение той же тенденции после возврата (с. 43, электронная версия <http://www.nber.org/papers/w20004>).

Если согласиться с выводами авторов о том, что демократизация оказывает положительное влияние на рост, несмотря на возврат, то возникает вопрос о механизме такого влияния. Я бы предположил, что при возврате происходит трансформация элиты, которая теперь стремится к более консенсусной форме правления. Было бы интересно сравнить недемократические режимы до и после попытки демократизации.

По мнению авторов Gerring et al. (2005), важным следствием из анализа является вывод о том, что реформы нельзя оценивать по их непосредственным результатам, которые, как они признают, обычно не положительны. С этим утверждением нельзя полностью согласиться. Об эффективности любого проекта естественно судить по его интегральному результату. Проекты демократизации управления страной не являются исключением. Поскольку для бедных обществ ценность отдаленных последствий мала, основной вклад в оценку проекта вносят результаты, получаемые за относительно короткий промежуток времени. Таким образом, и в политической сфере мы приходим к основной проблеме проектирования реформ: как добиться быстрого положительного эффекта?

Следует подчеркнуть, что возврат к авторитарному режиму после демократизации – отнюдь не редкое явление. В выборке Т. Каротерса из почти 100 стран, где были сделаны попытки либерализации политических режимов, только 18 «сохраняли положительную динамику в этом процессе» (Carothers, 2002). В выборке Acemoglu et al. (2014) имеется 122 эпизода демократизации и 71 возврат к недемократическому режиму¹¹.

В работах (Polterovich, 2000, Полтерович, 2007) сделана попытка проанализировать те черты гражданской культуры, которые препятствовали процессу демократизации в России. Среди них патерналистские ожидания населения и одновременно недоверие к государственным институтам, пассивность, привычка к нарушению закона и манипулируемость. При этом неудачи реформ вели к ухудшению культурных

¹¹ В терминах теории реформ возврат – это отторжение трансплантированного института. Возможны и другие варианты дисфункций: перерождение, когда формально демократические процедуры используются для легитимизации авторитаризма, и институциональный конфликт, когда эти процедуры оказываются неэффективными в силу институциональных или культурных особенностей страны (Полтерович, 2007). Такие режимы иногда относят к «демократиям с изъянами» (flawed democracy); Каротерс в этой связи пишет о «демократиях с прилагательными» (например, «управляемая демократия»).

характеристик: снижению обобщенного доверия, ухудшению отношения к либеральным ценностям и институтам демократии, а значит, и к нестабильности этих институтов.

Аналогичный вывод содержится в работе Inglehart (2000), где подчеркивается, что «массовые ценности и отношения оказывают решающее влияние на выживание демократических институтов в обществе» (р. 225). Возражая против тезиса о том, что внедрение демократических институтов само по себе приводит к развитию демократических ценностей, автор пишет о россиянах: «Сдвинувшись в направлении демократии в 1991 г., они не стали... больше доверять друг другу, не стали более толерантными или в большей мере постматериалистами. В целом, они сдвинулись в противоположном направлении» (р. 227).

Принципиально важный вопрос состоит в том, как избежать таких последствий¹². В работе Полтерович, Попов (2007) показано, что демократизация стимулирует экономический рост, если она проводится при достаточно высоком уровне правопорядка, в противном случае ее эффект отрицателен; при демократизации в условиях слабого правопорядка теневая экономика расширяется, институциональный потенциал государства слабеет, в результате весьма вероятен откат к более авторитарному режиму. Значит, прежде, чем проводить политическую реформу, надо укрепить правопорядок. Было бы важно проверить этот вывод, используя более полные данные и более современные методы расчета.

До сих пор мы рассматривали влияние демократизации на экономический рост. Для понимания процесса становления демократии не меньшее значение имеет вопрос об обратном влиянии: в какой мере рост благосостояния или, более обще, экономическая модернизация, способствуют формированию демократических ценностей и институтов? Важные для решения этой проблемы результаты получены в работах Inglehart, Welzel (2005, 2010), где содержатся также многочисленные ссылки.

Прежде всего, авторы Inglehart, Welzel (2005) показывают, что достаточно высокая значимость ценностей самовыражения, которые, по их определению, лежат в основе стремления к свободе индивидуального выбора¹³, является важнейшей предпосылкой успешной демократизации. Вместе с тем, авторы не обнаруживают связи между уважением к закону и институциональным доверием с одной стороны и демократизацией – с другой. Я бы все-таки предположил, что оба эти фактора и особенно – уважение к

¹² В истории многих ныне развитых стран последствия попыток демократизации были еще более серьезными: «...все «великие революции» практически сразу вели к популистским диктатурам и гражданским войнам...» (Голдстоун, 2006, с. 60). См. также (Knott, Miller, 1987) о расцвете коррупции в США в результате быстрой демократизации в первой трети XIX века.

¹³ Как указывают авторы, ценности самовыражения включают также толерантность – признание права других на свободный выбор - и связаны с межличностным доверием.

закону обуславливают стабильность молодой демократии. Соответствующая связь должна, видимо, носить пороговый характер. Это правдоподобно еще и потому, что в рассматриваемой статье речь идет об «эффективной демократии», показатель которой учитывает наряду с индексом гражданских прав также и индекс контроля коррупции. Трудно поверить, что уровни коррупции до и после введения демократических институтов не связаны между собой¹⁴.

Работа Inglehart, Welzel (2010) продолжает исследование тех же авторов 2005г., демонстрируя, что ценности самовыражения тесно коррелированы с другими показателями гражданской культуры и социально-экономического развития.

Если недемократический режим обеспечивает достаточно быстрый рост благосостояния (как это имело место в Китае и Беларуси), то вполне вероятно, что переход к формальной демократии будет отложен, а при спаде спрос на демократизацию увеличится. С другой, стороны, экономические успехи после установления демократического режима должны способствовать его стабильности¹⁵.

В то же время, современный экономический рост при любом политическом режиме требует высокого уровня образования и рациональности, а повышение уровня благосостояния неизбежно ведет к увеличению значимости постматериалистичных ценностей и, значит, в конце концов, к становлению демократии (см. Inglehart, Welzel, 2010, p.561).

Авторы показывают, что прирост уровня демократии за период от 1984- 1988 гг. до 2000-2004 гг. тесно коррелирован с показателем «неудовлетворенной ценности самовыражения» в 1990 г. (Figure 8, p.562). Интересно отметить, что в приведенной регрессии Беларусь и Китай выглядят как «аутлайеры». Относительно высокий «спрос на демократию» не привел к демократизации, так как был, видимо, компенсирован быстрым ростом благосостояния.

Из проведенного обсуждения следует правдоподобность следующей гипотезы: экономический рост способствует накоплению «политического капитала» и приводит к становлению устойчивой демократии, если определенные культурные индикаторы, такие как индикатор ценности самовыражения, достигли некоторого порога. Было бы интересно протестировать это утверждение.

¹⁴Было бы интересно проверить выводы авторов на множестве развивающихся стран. Как показывает Figure 11-5 цитируемой статьи, показатель свободы самовыражения четко отделяет развитые страны от остальных, но «не замечает» разницы между Словакией и Египтом, Беларусью и Венгрией.

¹⁵ Возможно, сложностью этой зависимости объясняется отсутствие влияния роста на модернизацию в регрессионных моделях, где постулируются простые формы связей.

За последние 70 лет задачу догоняющего развития удалось решить совсем немногим странам. Анализ их политики наиболее важен, но эконометрика здесь вряд ли применима из-за малости выборки, приходится анализировать «частные» случаи.

Демократизация была успешной в тех странах, где на начальных этапах сформировались режимы, отвечавшие патерналистским ожиданиям. Так, в странах Восточной Азии консолидация усилий в процессе реформ опиралась на «слияние» государственного аппарата и бизнеса в рамках корпоративистских режимов, постепенно трансформировавшихся от государственного корпоративизма¹⁶ к социетальному (McNamara, 1999; Unger and Chan, 2015)¹⁷. Как правило, инициатором реформ был сильный лидер (Пак Чон Хи в Южной Корее, Ли Куан Ю в Сингапуре, и т. п.), сумевший создать сплоченную команду администраторов, нацеленных на решение задач стимулирования роста, – в полном соответствии с одним из принципов «государства развития», сформулированных Чалмерсом Джонсоном (Johnson, 1999)¹⁸. Другие отмеченные Джонсоном принципы эффективного управления в догоняющих странах также заимствованы из опыта успешных корпоративистских режимов: достаточная мера децентрализации, оценка деятельности чиновников на всех уровнях иерархии по их достижениям в обеспечении экономического роста и подчинение внешней политики задачам экономического развития. Последний принцип предполагает, по крайней мере, относительную независимость административной власти от политической (“the politicians reign and the state bureaucrats rule” - «политики правят, а администраторы управляют»).

Важно подчеркнуть, что отсутствие условий для немедленного перехода к полноценной демократии, не означает невозможность постепенного формирования соответствующей культуры и институтов. В рамках успешных корпоративистских режимов роль государства снижалась постепенно, одновременно с изменением массовой культуры, так что эти режимы трансформировались в современные демократии¹⁹.

¹⁶ Термин «корпоративизм» многозначен. В данной работе он понимается как система принятия политических и экономических решений, основанная на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов (прежде всего, работников и работодателей). К корпоративистским относят широкий спектр систем – от франкискской Испании до скандинавских стран и Австрии в послевоенные годы (см. обзоры Molina, Rhodes, 2002; Cardoso, Mendonça, 2012). Таким образом, роль государства в корпоративистских системах может существенно меняться.

¹⁷ Отметим, что идеология реформ Л. Эрхарда (создание так называемого социального рыночного хозяйства) была близка к корпоративистским идеям.

¹⁸ Неэффективной альтернативой является принцип «сдержек и противовесов», когда в правительстве конкурируют явно не совместимые по взглядам и интересам чиновники (Полтерович, 2014).

¹⁹ Можно возразить, что в таких странах как Япония и Южная Корея демократия установилась сразу после окончания войны, еще до проведения экономических реформ. Однако в Японии либерально-демократическая партия правила беспрерывно в течение 38 лет, начиная с 1955г. Реформы в Южной Корее были инициированы генералом Пак Чонхи, который фактически руководил страной в течение 18 лет.

Таким образом, анализ имеющегося опыта позволяет предположить, что при доминировании в массовой культуре материалистских ценностей и патерналистских ожиданий рациональной конструкцией промежуточного института являются те или иные формы корпоративистских режимов. Разумеется эта гипотеза нуждается в более тщательном обосновании хотя бы потому, что не вполне ясно, как избежать превращение таких режимов в авторитарные. Еще одна проблема была поднята Э. Фелпсом: он считает корпоративизм типичной чертой европейских континентальных экономик, которые нацелены на удовлетворение материальных потребностей граждан, в то время как более предпочтительный американский («плюралистский») вариант рыночной экономики обеспечивает потребности в творчестве и самореализации (Phelps, 2010). Этот тезис подтверждается данными о свободе принятия решений на рабочем месте (заимствованными из WVS), о доле вновь создаваемых фирм, числе регистрируемых патентов на одного работника и интенсивности исследований и разработок в бизнесе. Было бы интересно проверить, действительно ли отмеченные Фелпсом различия обусловлены особенностями систем принятия решений.

6. Элита и массы: конфликт культур как причина неудачных реформ?

Традиционно переход к демократии рассматривается как результат революции и последующей смены элит (см., в частности, Acemoglu, Robinson, 2006). Однако во многих случаях представители новой элиты, если и не занимали руководящих постов до смены власти, то принадлежали к привилегированной части общества, существенно более образованной и более обеспеченной, нежели средний гражданин. Как пишут Albertus , Menaldo (2014), «конкретные шаги к демократии...часто инициируются самой элитой». Это особенно характерно для процессов демократизации, так называемой, «третьей волны» (с. 1974 г.), в рамках которой даже экономической элите нередко удавалось сохранить свои привилегии, не допустив существенного перераспределения общественного продукта в пользу менее состоятельных граждан (Menaldo, 2015). Следует учесть также, что, как правило, «революции» происходят в столицах развивающихся стран, где разрыв между столичными жителями и жителями «глубинки» и по уровню образования, и по уровню доходов очень велик²⁰. Значит, неизбежен и культурный разрыв: в соответствии с теорией Инглхарта с ростом благосостояния

²⁰ Средний доход москвича в 2014 г. был почти в два раза больше среднего по стране. Даже с поправкой на разницу в прожиточном минимуме он был богаче на 30%. Численность компьютеров на одно домашнее хозяйство в столице превышало среднее на 36%, видеокамер – в 2,3 раза, кондиционеров – в 3,6 раза.

материалистичная культура должна вытесняться постматериалистичной²¹. Свобода выражения мнений, свобода передвижения и выбора места жительства, возможность влиять на политические решения, свобода избирать и быть избранным, и т. п. обретают более высокую ценность²².

Однако элита развивающихся стран, казалось бы, заимствовав западные ценности, на самом деле восприняла лишь их ограниченный перечень. В первую очередь я бы указал на разницу в отношении к насилию и жесткой конкуренции, в стремлении и умении достигать компромисса и опираться на механизмы сотрудничества, которые существенно сокращают издержки социальных взаимодействий²³.

Двуцветное видение мира, интеллектуальный радикализм, уже преодоленный на Западе, где еще в недавнем прошлом важными механизмами институциональных реформ были революции и гражданские войны, все еще доминирует не только в массовой культуре, но и в культуре элит догоняющих экономик²⁴. Радикализм (в варианте «рыночного фундаментализма» по Дж. Стиглицу) является культурной основой «шоковой терапии» - подхода к реформам, игнорирующего многочисленные, в том числе, и культурные ограничения, которые препятствуют эффективной трансплантации передовых институтов. Не удивительно, что этот подход, не предусматривающий промежуточных институтов вовсе, был принят на вооружение в Латинской Америке и в странах с переходной экономикой вплоть до середины 90-х годов прошлого века. Для меня загадка, что в качестве рецепта для этих стран он сформировался в США и не вызвал резких возражений европейских экспертов при том, что одна из самых масштабных реформ в человеческой

²¹ Это подтверждают расчеты по России, приведенные в Циммерман, Инглхарт, Панарин и др. (2013). Авторы пишут: «...и среди людей с высоким доходом, и среди образованных уровень постматериализма значительно выше, чем среди остального населения страны.» (с. 64). Как показывает их график на с. 63, уровень постматериализма снижается в период экономического спада и с некоторым лагом увеличивается в периоды экономического роста. Аналогично ведет себя индекс эмансипативных ценностей (с.65).

²² Различия в культурных характеристиках жителей Москвы и других регионов ясно проявлялись в результатах выборов. Партии, в программах которых важное место занимали политические и экономические свободы, во всех выборах набирали в Москве существенно большую долю голосов, нежели в среднем по стране. Московские избиратели чаще других голосовали за оппозиционных кандидатов. Так, на президентских выборах 2012 г. Москва оказалась единственным регионом, где действующий президент набрал меньше половины голосов (около 47% при среднем 63,6%; при этом вторым был М. Прохоров с максимальным результатом - 20,5% голосов).

²³ См. Lijphart (2012) о различии мажоритарных и консенсусных систем.

²⁴ Об этом пишут авторы работы Аузан и др (2011): «... мы констатируем, что в современной России сложился катастрофический дефицит ...практик, основанных не на сохранении и не на разрушении, а ... на эволюционном принципе последовательных изменений существующей реальности». Правда, немедленно вслед за этой констатацией читаем: «Архаична Академия наук, и никакие попытки ее реформировать ни к чему хорошему не ведут; этот институт сложился раз и навсегда, и его нужно либо сохранять как есть, либо закрывать, со всеми неизбежными последствиями.» (С. 5).

истории – создание Европейского Союза - опиралась на весьма изощренный градуалистский подход и принцип консенсуса²⁵.

Многим лидерам столичных элит, образованным, способным на равных общаться западными интеллектуалами, кажется, что для перехода к рынку и демократии достаточно принять «правильные» законы. Радикальные реформы по самому своему определению предполагают немедленный слом старых институтов, а значит, затрагивают интересы широких групп населения. Массовая культура дает о себе знать: в условиях несовершенной демократии новые крупные собственники обретают политическое влияние, возможность использовать завоеванные свободы оказывается зависящей от богатства и связей. При низком уровне законности патерналистская установка реформаторов, полагающих, что они знают истинные интересы населения лучше, чем само население, порождает насилие и дисфункциональные институты. Всплеск коррупции и экономический спад создают основания для возврата к авторитаризму.

Возможно, успех корпоративистских режимов в странах экономического чуда как раз и базировался на культурных особенностях их элит, сумевших использовать коллективизм и патерналистские ожидания масс для формирования промежуточных институтов, в конце концов, обеспечивших переход к рынку и демократии.

7. Заключение

При проектировании траектории институциональных изменений необходимо на каждом шаге учитывать массовую гражданскую культуру и в то же время стимулировать ее развитие с тем, чтобы обеспечить возможность дальнейшего продвижения и, в конечном счете, - успех реформы. Рассматривая процессы приватизации, я стремился продемонстрировать, как институты, первоначально опирающиеся на коллективизм и патерналистские ожидания населения – черты, казалось бы, несовместимые с эффективным современным рынком, могут способствовать его становлению и ускорению экономического роста. Это достигается благодаря накоплению опыта функционирования на рынке, пусть и несовершенном, изменению отношения к рыночным институтам, увеличению экономической и социальной активности. Важную роль играют промежуточные институты, стимулирующие укрепление обобщенного доверия, такие как индикативное планирование или общественные советы при органах власти. Для развивающихся стран быстрый рост является основной задачей и потому, что он отвечает

²⁵ Насколько мне известно, оценка «степени радикализма» не предусматривается ни одним из регулярных проектов, посвященных исследованию культуры. Этот пробел следовало бы устранить.

чаяниям населения, и по той причине, что он стимулирует изменение ценностей, способствующих успеху модернизационных реформ (Inglehart, Welzel, 2010).

Аналогичные соображения, видимо, справедливы и для реформ политической сферы. Гипотеза о том, что в качестве промежуточных институтов здесь могут выступать корпоративистские режимы с постепенно снижающейся ролью государства, выглядит правдоподобной, подтверждается многими примерами, но нуждается в более тщательном изучении.

Как отмечалось выше, в обществе с массовой материалистичной культурой реформы должны в первую очередь способствовать экономическому росту; преждевременные радикальные преобразования, нацеленные на достижение постматериалистичных целей, обречены на неудачу. Тем не менее, попытки таких преобразований весьма многочисленны. Была предложена гипотеза, согласно которой причиной этого феномена является культурный разрыв между элитой и массой, характерный для развивающихся стран.

Выше речь шла в основном о двух типах реформ – приватизации и демократизации. Однако культурные ограничения играют существенную роль и при проведении многих других институциональных преобразований. Например, внедрение накопительной пенсионной системы обречено на неудачу при низкой ценности будущего для значительной части населения. Возможность отклоняющего поведения следует учитывать при проведении любой реформы, но это особенно важно, если уровень законопослушности граждан низок.

Обобщение опыта использования промежуточных институтов при проведении различных реформ является актуальной задачей. Особенно важно исследовать, насколько эффективно и быстро промежуточные институты могут влиять на те или иные характеристики гражданской культуры.

Литература

Аузан, А.А. , А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль.(2011). Доклад «Культурные факторы модернизации». Москва, Санкт-Петербург. 221 с.

Белянин А.В., В.П. Зинченко (2010). Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия». 164 с.

Голдстоун Дж. (2006). К теории революции четвертого поколения. Логос, № 5(56). 58-103.

Гудков, Л. (2000). Отношение к правовым институтам в России. Мониторинг общественного мнения, т.3 (47), Май-Июнь, 30-38.

Дементьев В. (2004). Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики. Российский экономический журнал. №8.

Катышев П. К., Полтерович В. М. (2006). Политика реформ, начальные условия и трансформационный спад. Экономика и математические методы. Т.42, No. 4.

Константинов Г., Липсиц И., Филонович С. (2002). Как выбраться из ловушки молодости? Эксперт, No.8, 25 февраля.

Левада Ю. (2000). Человек лукавый: двоемыслие по - российски. Мониторинг общественного мнения. N.1 (45). М.: ВЦИОМ. 19- 27.

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика, 446 с.

Полтерович В. М. (2013). Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 2. Рационализация структуры собственности. Экономическая наука современной России, №1 (60). С. 7-24

Полтерович В. М. (2012а). Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 1. Приватизация: проблема эффективности. Экономическая наука современной России, №4 (59). С. 7-23

Полтерович В. М. (2012b). Проектирование реформ: как искать промежуточные институты. Montenegrin Journal of Economics, Vol. 8, № 2, 25-44.

Полтерович В., В. Попов. (2007). Демократизация и экономический рост. Общественные науки и современность, № 2. С. 13-27.

Полтерович В.М., Старков О.Ю (2007). Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации. М.: Наука, 2007. 196 с.

Полтерович В.М. (2014). Куда идти: двадцать четыре тезиса. Экономическая наука современной России. №3 (66) С.7-16.

Радаев В.В. (1998) .Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М: Центр политических технологий.

Тамбовцев В.Л. (2015). Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях. Вопросы экономики, №12, 85-106.

Циммерман У., Р. Инглхарт, Э. Панарин и др. (2013). Российская элита – 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: РИА НОВОСТИ.123с.

Acemoglu D., S. Naidu, P. Restrepo, J. A. Robinson (2014). Democracy Does Cause growth. Working Paper 20004. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA. 64 pp.

<http://www.nber.org/papers/w20004>

- Acemoglu D. and J. A. Robinson (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press. 416 pp.
- Albertus M., V. Menaldo (2014). *Gaming Democracy: Elite Dominance during Transition and the Prospects for Redistribution*. *British Journal of Political Science*, Vol.44, Issue 03, 575-603. <http://political-science.uchicago.edu/people/faculty/Albertus%20Gaming%20Democracy.pdf>
- Alesina A., P. Giuliano. (2015). *Culture and Institutions*. IZA, Discussion Paper No. 9246. 66 pp.
- Almond, Gabriel A., and Sidney Verba (1963). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press. 562 pp.
- Bakanova M., S. Estrin, I. Pelipas, S. Pukovich (2006). *Enterprise Restructuring in Belarus*. Discussion Paper No. 2148, IZA, Bonn. 32 pp.
- Boubakri N., O. Guedhami, Ch. C. H. Kwok, W. Saffar. (2015). *National Culture and Privatization: The Relationship between Collectivism and Residual State Ownership*. 34 pp
- Cardoso J.L., P Mendonça (2012). *Corporatism and beyond: an assessment of recent literature*. Working Papers ICS. 31pp.
- Carothers T. (2002). *The End of the Transition Paradigm*. *Journal of Democracy*, vol. 13, no 1, 5-21.
- Chang, H. (2007). *State-Owned Enterprise Reform*. United Nations. Department for Economic and Social Affairs. *National Development Strategies*. Policy notes.
- Chang, R., C. Hevia, N. Loayza. (2009). *Privatization and Nationalization Cycles*. World Bank Policy Research Working Paper No. 5029.
- Chua, Amy. (1995). *The Privatization-Nationalization Cycle: The Link Between Markets and Ethnicity in Developing Countries*. Faculty Scholarship Series. Paper 342. http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/342.
- Conradt, D. P. (1989). *Changing German Political Culture*. In: Almond, Gabriel A., and Sidney Verba (eds.). *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park. Sage Publications. 212- 272.
- Crivelli E. (2013). *Fiscal impact of privatization revisited: The role of tax revenues in transition economies*. *Economic Systems*, 37(2). 217–232
- Eller M., I.A. Denisova, T. Frye and E. Zhuravskaya. (2012). *Everyone hates privatization, but why? Survey evidence from 28 post-communist countries*. *Journal of Comparative Economics*, vol. 40, № 1, pp. 44-61.
- Estrin, Saul, Jan Hanousek, Evžen Kocenda, Jan Svejnar. *The Effects of Privatization and Ownership in Transition Economies*. // *Journal of Economic Literature*, 47:3, 2009, pp. 1-30.
- Gerring, J., P. Bond, W. Barndt, and C. Moreno (2005). *Democracy and Growth: A Historical*

Perspective, *World Politics*, 57 (3), 323-64.

Guidi, Marco E.L. (2000). *Corporative Economics and the Italian Tradition of Economic Thought: a Survey*. *Storia del Pensiero Economico*, 40 . pp. 31-58. ISSN 1593-8603. <http://eprints.adm.unipi.it/1275/1/guidi.htm>

Guiso L. Sapienza P., and L. Zingales. (2014). **“Long-Term Persistence,”** Kellogg School of Management. **33 pp.**

https://www.google.ru/search?hl=ru&newwindow=1&output=search&client=psy-ab&q=Long-term+Persistence&oq=&gs_l=&pbx=1&gws_rd=ssl

Horváth R.(2012). *Does Trust Promote Growth?* IES Working Paper 9/2012. IES FSV. Charles University. 33p.

Inglehart R. (2000). *Globalization and Postmodern Values*. *The Washington Quarterly*, Volume 23, Number 1, Winter. 215-228.

Inglehart, R., C. Welzel (2010). *Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy*. *Perspectives on Politics* 8 (2), 551-567.

Inglehart R. and Ch. Welzel (2005). *Modernization, Cultural Change and Democracy*. New York, Cambridge University Press. 52 pp.

Jermakowicz W., P. Kozarzewski (1997). *Privatization in Mongolia*. Center for Social and Economic Research. Warsaw. 42 pp.

Johnson C. (1999). *The Developmental State: Odyssey of a Concept*. In: *The Developmental State*. Woo-Cumings M. (ed.). Ithaca, N.Y.:Cornell University Press. P. 32–60.

Knott J.H., G.J. Miller (1987). *Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice*. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 290 pp.

Kornai J., B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds.) (2004). *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Lijphart A. (2012) *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-six Countries*. Second Edition. New Haven: Yale University Press.

Masse P. (1965). *The French Plan and Economic Theory*. *Econometrica*. Vol. 33, No 2.

McNamara D. (1999). *From Patron to Partner: Korean State Role in the Textile Transition*. In: McNamara D.(ed.) *Corporatism and Korean Capitalism*. London: Routledge. 95-109.

Menaldo V. (2015) *Democracy, Elite-bias and Redistribution in LATAM*. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1820866

Molina O., M Rhodes (2002). *Corporatism: The past, present, and future of a concept*. *Annual review of political science* 5 (1), 305-331 .

Phelps, Edmund S.(2009). *Capitalism vs. Corporatism*, *Critical Review*, 21: 4, 401 — 414.
Polterovich, V.(2000). *Civic Culture and Economic Transition in Russia*. A revised version of

the paper that was presented at the 15-th Annual Congress of the European Economic Association (Bozen- Bolzano, 30-th August - 2-nd September 2000).

Polterovich V., V Popov. (2007). Democratization, Institutional Quality and Economic Growth. In: N.Dinello, V.Popov (eds.). Political Institutions and Development. Failed Expectations and Renewed Hopes. Edwards Edgar Publishing. Chapter 3.

Purju A. (1996).The Political Economy of Privatisation In Estonia. Edinburgh, Centre for Economic Reform and Transformation. 50pp.

Roland, G. (2004). Understanding Institutional Change: Fast-Moving and Slow-Moving Institutions. *Studies in Comparative International Development*, 38(4), 109–131.

Stiglitz J. *Globalization and its discontents*. New York: W.W. Norton and Company, Inc. 288p.

Unger J., and A. Chan (2015). State Corporatism and Business Associations in China: A Comparison with Earlier Emerging Economies of East Asia. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 10, No. 2, 178-193.

Welzel, C., (2011). The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys. *Japanese Journal of Political Science* 12 (1), 1-31.